

16+

Элеонора Гильм
Серебряная кожа

Истории, от которых
невозможно оторваться

Элеонора Гильм

**Серебряная кожа. Истории, от
которых невозможно оторваться**

«Автор»

2023

Гильм Э.

Серебряная кожа. Истории, от которых невозможно оторваться /
Э. Гильм — «Автор», 2023

Под одной обложкой цветут разные тексты. Быль о русской девушке Феше, что получила тунгусское имя. Байкальская легенда о любви Иннокентия и Черноволосой. Повесть о смелых защитниках леопардов. Непростая история Веты, девочки с искалеченной судьбой, что стала сильной. Легенда про огромную жемчужину и юношу, ныряющего, словно рыба. Герои идут навстречу мечте, через бури и насмешки, вопреки всему. Бесстрашные или осторожные, восторженные или разочарованные, они знают нечто важное.

© Гильм Э., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Серебряная кожа	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Элеонора Гильм

Серебряная кожа. Истории, от которых невозможно оторваться

Серебряная кожа

Феша поддержала юбку и тяжело опустилась на берег прекрасной Оки. Белые облака любовались своим отражением, лениво гонялись друг за другом, растворяя пушистые хвосты в безбрежной синеве. Утки гомонили в преддверии самого важного в их жизни – появления птенцов. Воздух пропитан был смолистым духом, что будоражит, щекошет ноздри.

Феша вздохнула и склонилась над прозрачной водой. Со стоном отвернулась она от коварного зеркала и завывала-зарыдала в голос.

– Что ж за горе мне? За какие грехи Господь наслал на меня погибель? – причитания шли из самой глубины сердца.

Некому было пожалеть девку, только белки бегали по веткам, с любопытством глядели на крикливое существо.

– Унеси меня, река-реченька, в края чужие! Забери меня подальше, – все громче и громче становился Фешин голос.

Скоро упала она на берег, сжимая комья земли тонкими пальцами. Ока набухла темной – с севера шла непогода.

В большой семье Саввы Матвеева ожидалось прибавление. Четверо сыновей с испугом косились на закопченную баню. Оттуда второй день неслись такие крики, что отец их крепился, а соседи обходили двор стороной. «Нечистый над мамкой издевается», – думалось старшему Васке. Не могла замордованная тяжелой работой мать исторгать подобное из слабой своей глотки.

Февральской полночью появилась на свет Феоктиста и забрала жизненные соки Марфы. На следующий день мать, ставшую после смерти еще меньше, похоронили. Жилистый, враз постаревший Савва, четверо его мальчишек с испугом и злостью косились на сморщенное исчадие ада. Незнамо зачем оно явилось на свет, чтобы лишить семью хозяйки, ее ворчливой заботы и стряпни.

Феоктиста, Феша так и выросла в нелюбви да злобе. Отец и братья шпыняли ее, точно приبلудного щенка. Первые два года сердобольная соседка пригревала девчущку, баюкала вместе со своим младшим. Засовывала темный сосок в жадный рот, пела колыбельные, стыдила Савву за бессердечие. Свои дети отнимали силы у доброй бабы, она вернула девочку родному отцу.

Пять дворов, пять покосившихся избышек составляли всю заимку Бедняцкую. И скудное название оправдывалось незатейливым бытом. Полсотни лет назад земли, окружавшие заимку, даны были казацкому сотнику¹ Бекету. Весь род его, с саблей в руках служивший царю, отличался необычайной скупостью.

Савва с Марфой нашли приют в Бедняцкой заимке. Думали они, что Бог пошлет за усилия и неистовое трудолюбие свою милость. Застарелые надежды застряли глубоко в прошлом, оставив лишь стремление не сдохнуть самим и выкормить вечно голодных птенцов.

¹ Сотник – войсковой чин, командир воинского подразделения (сотни).

Для Саввы одной радостью в беспросветной жизни была Марфа. И с ее смертью будто кто душу вытащил из мужика, покрылся он копотью да злобой. Все четверо сыновей бывали биты смертным боем. Феоктиста пряталась за печкой, и только отблески лучины пылали в ее черных глазах. Савва все усерднее наливался хлебным вином. И под кожей его текла не кровь, а ядовитая жижа.

– Фешка, ленивая дурища! Почему хлев не вычищен? Кормишь-поишь, а она ходит гузкой трясет. Шевелись!

Отец кидал лапоть в шестилетку, а она уворачивалась привычным движением.

Так и жили.

Ока, младшая сестра, питала своими водами Ангару. В омутах водились длиннющие щуки. Пугливая пелядь шевелила плавниками в сплетении зеленых нитей. Мелкие окуни резвились у обрывистого берега на радость мальчишкам.

Летним утром четверо Саввиных голодранцев отправились рыбачить. За ними увязалась Феша. Прячась по кустам смородины и малины, занозя босые пятки свирепым шиповником, она кралась за братьями.

Лишь младший, Севка, привечал ее добрым словом, играл в ножички, давал кусок хлеба. Для остальных – старшего Васьки, средних Тимки и Кольки – Феша стала виновницей их сиротских, безматериных бед.

«Кикимора! Захухря²! Поганка!» – то лучшие прозвища, которыми награждали ее братья.

Прогоревший костер потрескивал углями, над берегом плыл густой рыбный дух. Феша сглотнула слюну, вздохнула и затаилась в кустах. Севка притащит сестре тайком кусок ароматной, сочащейся соком рыбы. Замечтавшаяся девчонка, потрясла затекшими ногами и...

Вдруг увидела перед собой розовый отросток. Он дрогнул в грязных пальцах и излился на Фешу теплой струей. Взвизгнув, она подскочила, сбила с ног витавшего в облаках Тимку и понеслась – лишь бы оказаться подальше от окаянных братьев. Громкий топот, сопение, шепот: «Поганка». Что-то злое и тяжелое опрокинуло ее на живот, ударило наотмашь...

– Вот тебе за то, что за ними ходишь! Вот тебе за подглядывание! Вот тебе за мать!

Услышав голос старшего Васьки, Феша привычно сжалась в комочек. Брат разошелся так, что шлепки его по-мужицки крупной ладони попадали не только на костлявый зад, но и на шею, спину, простоволосую голову.

– Давай... проси пощады.

Феша только поскуливала, пыталась прикрыться узкими ладошками. Васька в диком, бесчеловечном исступлении бил ее ногами, словно перед ним стонала не сестра, а лесное чудище.

– Васька, сдурел! Васька! – братья кричали, пытались оттащить старшего.

– Сеструха, живая? – Севка подбежал к окровавленному телу, перевернул. С облегчением услышал взвизг. – Живая!

– Да что с ней, паскудой, будет? Пусть радуется, что мужиком бита, – равнодушно, уже излив ярость, отозвался Васька. Он грыз былинку, развалясь на молодой траве.

Братья принесли Фешу на руках домой, когда солнце покатилося к вечеру. Савва ослеплым взглядом посмотрел на синяки, набухавшие на тонком теле дочери, на окровавленные сосульки волос.

– Где шляетесь, ироды?! Работы на поле немерено, а вы... – и захрапел на лавке.

Через два месяца сошли синяки с тела Феоктисты. Привыкла она к семье своей неладной, к побоям отца и Васьки, равнодушию младших братьев. Ждала тех заветных шестнадцати лет,

² Захухря – неряха, нечеса (старорус.).

когда посватается к ней любой – косой, рябой, старый, горбатый. Лишь бы подальше от родного дома увез.

Но напрасно молила Богородицу Феша долгими ночами. Лишь стала превращаться она в женщину, навалилась беда. Черные, как смоль, волосы обезобразили стройное тело. Длинная рубаха могла скрыть позор... Да не тут-то было. Светлокожее милое лицо с большими темными глазами, пухлым ртом покрыл ненавистный пух.

Первыми начали насмешничать братья, а потом покатались шутки и прибаутки: «Усы-то, чище, чем у братьев!», «Ишь, чудище идет!», «Борода-бородка девке не нужна, будет черту продана усатая жена». Феша краснела и ревела втихомолку. Никто к «усатой девке» свататься не спешил.

На деревушку налетела гроза с сильным ветром. Деревья выворачивало с корнями, вода шумела у самых изб, дождь бил по крышам избышек, молодым листьям и невысокой траве.

С утра прояснило. Обитатели заимки латали крыши и ветхие изгороди, искали разбежавшихся кур, дивились гневу Господнему, внезапно налетевшему на их край. Первым спохватился Севка.

– А Феша-то где? Кто видел?

Он вместе со своей румянолицей женой искал пропавшую сестру до заката.

Скоро и Севка успокоился. Жила девка на заимке – и не стало ее.

«Белое тело. Белая рубашка. Нет, серая. Мокрая и грязная», – устало думала Синильга. Она шла вдоль берега в сопровождении собак. Черный кобель подбежал к неподвижно лежавшей и тявкнул.

– Живая, говоришь? О-о-о-х, – протяжный вздох означал, что тунгуска³ устала.

От жизни. От дурных людей. От тунгусов. От русских, что вторглись в край лесов и рек, в край, принадлежащий ее народу.

Жарко. Феша закашлялась и открыла глаза. Темные стены, очаг посередине. Женщина с мудрым круглым лицом склонилась над ней и что-то успокаивающе прошептала. «Друг», – отчего-то подумала девушка и провалилась в сон.

Зима засыпала белым пухом всю округу. Заботливо припорошила шкуры, теплым коконом покрывавшие чум.

Феша выучила много тунгусских слов, Синильгу она понимала по одному взгляду. Ее, как и Фешу, не привечали в родной семье. Имя старухи означало снег, родилась она в день снегопада. И Синильга Фешу спасла.

Больше ничего знать и не требовалось.

Синильга любила мороз, зимние трескучие месяцы. Она могла добыть быстрого зайца и пугливого оленя. И учила Фешу суровой охотничьей науке.

– Братья бы мне завидовали. Они так не могут, – улыбалась девушка, потроша налима. Огромную рыбину она добыла утром, ловко проткнув острой.

– Дурные люди твои братья, Мэнрэк. Своими поступками они прогневали духов неба.

Красавица со светлой, серебряной кожей... Старуха дала ей имя Мэнрэк. Феша знала: так тунгусы называют серебро.

– Синильга, посмотри на меня – я безобразна! Дай мне другое имя.

– Я много лет прожила на свете, девушка со светлой кожей. Скоро красоту увидят все. Она под стать твоей ясной душе.

³ Тунгусы – русское название нескольких сибирских племен; здесь подразумеваются эвенки, коренной народ Восточной Сибири.

Синильга стала для русской девушки матерью. Они смеялись, пели, заботились друг о друге. Дочери разных народов, русская девушка и старуха-тунгуска стали ближе родни.

На пятую зиму Синильга захворала. Она отказывалась от еды, желтела. Никакие снадобья не могли исцелить тунгуску. Февральским вечером рожденная в снегах умерла на руках Мэнрэк, ушла вместе с зимой.

Пережевая молитвы Христу и песни тунгусов, плотая горькие слезы, Мэнрэк обернула в оленью кожу тело Синильги. Нужно затащить ветки на дерево, соорудить помост, поднять Синильгу... Так, чтобы предки не разгневались.

У худенькой девушки было мал сил. Ноги в унтах скользили. С горем пополам связала ветки, соорудила хилый помост. Завернула в оленью кожу Синильгу и ее любимый лук. Сломанный, чтобы не подвел хозяйку в загробном мире.

Мэнрэк обхватила тело названной матери, потащила на дерево, но сверток со стуком упал на землю. Кобель и сука протяжно, жалобно завывали. Мэнрэк всхлипнула и попросила прощения у названной матери. Безрукая.

– Давай помогу.

Парень с раскосыми глазами, в меховых штанах и куртке подхватил саван. Ловко, как белка, залез на дерево.

Скоро Синильга лежала на ветках кедра, мощного, с густой кроной, росшего в отдалении от своих собратьев. Мэнрэк и парень три раза обошли дерево, пожелали усопшей обрести покой в нижнем мире⁴.

Молодой тунгус уверенно зашел в чум и опустился у очага.

– Хорошая она была. Упрямая только.

– Ты знал мою нареченную мать?

– Мы родня. Давно из стойбища ушла, вечность назад, но семья о тетке не забывала.

Парень добыл оленя, и Синильга улыбалась, спускаясь в подземный мир на спине сильного орона⁵.

Ночью девушка не могла уснуть. Вспоминая доброту нареченной матери, она всхлипывала. Опять осталась одна. Ворочалась, слышала тяжелое дыхание парня, пыталась остановить слезы. Но они лились потоком, словно река после летнего ливня.

– Ты не реви. Духи могут прогневаться, – под оленью шкуру скользнуло горячее тело. Терпкий мужской дух окутал Мэнрэк, а шершавая ладонь легла на грудь.

Утром Мэнрэк кормила Хиркана заячьей похлебкой и улыбалась.

– Моей женщиной будешь? – грубовато спросил парень.

Только сейчас девушка толком его разглядела. Худой, верткий. Белые зубы, хитрый прищур, жилистые руки, кривые ноги. Хороший. Главное она узнала о нем ночью.

При рассеянном свете солнца Хиркан улыбался ей по-особому, согревал, словно костер посреди зимнего леса. Мэнрэк теперь не боялась настырных глаз, лицо ее стало гладким, как у Синильги. От осени до осени тунгуска мазала особым снадобьем кожу Мэнрэк. И через год ручей отразил в своих бурливых водах новое лицо. Благословенная скорлупа кедровых орехов избавила Мэнрэк от уродства.

Теперь ей не стыдно было предложить красоту Хиркану. Пусть не венчались они в церкви, не разломили каравай, Хиркан стал ее мужчиной, Мэнрэк – его женщиной.

⁴ Нижний мир – загробный мир в мифологии эвенков.

⁵ Орон – олень (эвенк.)

Хиркан мучился. Он не был изгнанником, как тетка, что поругалась с родичами много лет назад. Хиркан жил с отцом, братьями, как и положено настоящим эвенки⁶. Пора привести в стойбище жену, что родит бойких сыновей и пригожих дочек.

Боги послали ему серебряную девушку, непростой дар. Мэнрэк отказывалась покидать чум Синильги. Строптивая, своевольная, она не слышала мужа, и Хиркан разрывался между чумом у берега Оки и стойбищем.

Отец и братья собирались откочевать далеко на восток. Хиркан боялся оставлять Мэнрэк одну: плохие люди, звери, злые духи могли украсть у него сокровище. Мэнрэк умела добывать зверя, стреляла из лука, попадала в белку без промаха, но все ж оставалась женщиной, сладкокожей и мягкой.

Мартовским вечером он мчался к жене. Духи нашептывали, что случилось нечто дурное. Ноги в камусовых лыжах⁷ быстро двигались по лесу. Рыхлый снег проваливался, замедлял шаг Хиркана, но мужчина не поддавался весенним уловкам.

Мэнрэк сидела в чуме, растрепанная и несчастная. Огонь в жирнике почти погас, холод кусал руки. Она вместо того, чтобы разжечь источник жизни, задумчиво растирала в ладошках золу.

– Что с тобой? – Хиркан обеспокоенно вглядывался в жену и не узнавал.

Мэнрэк уткнулась холодным носом в мужнино плечо и зарыдала.

– Все хорошо, хорошо, мучукай⁸, – Хиркан принялся за дело, и скоро огонь наполнил сердце надеждой.

– Мне надо покормить любимого мужа, – Мэнрэк шмыгнула носом и неловко встала, растирая онемевшие ноги.

– Ты меня не проведешь, – Хиркан усадил жену обратно. – Что-то стряслось. Говори, мучукай.

– Враг умирает. Умирает, а, может, уже умер. Я рада этому. Так рада!

– Что за враг?

Мэнрэк отвернулась.

– Неважно. Враг из моего народа.

– Кто? Говори мне! И взгляда не отводи, мучукай.

Она слотнула слюну и прошептала:

– Брат. Он попал на тропу медведя. Не знаю, каким чудом был еще жив, когда я нашла его... Но скоро...

– Дедушка голоден после зимнего сна. Он оставил добычу, чтобы она подгнила – так Великому зверю больше нравится.

– Пусть гниет!

– Скажи, где твой брат? Нужно принести его в чум, пока Дедушка не вернулся.

– Я его ненавижу. Ты не будешь ради выродка рисковать жизнью!

– Так нельзя. Ты не права, – Хиркан нахмурился. Его узкие глаза сверкали.

– Почему нельзя? Он издевался... бил меня. Пусть умрет!

– Нет. Ты не заслужила такую кару. Отравишься этой мыслью и не сможешь так жить. И наши дети не смогут. Пошли.

Мэнрэк смачивала раны травяными отварами, шептала тунгусские слова, которым научила Синильга. Через неделю, вернувшись из забытья, Василий застонал. Еле разлепив глаза, он увидел у ложа дикарку в причудливом меховом кафтане.

⁶ Эвенкил – эвенки, самоназвание племени.

⁷ Камусовые лыжи – лыжи народов Сибири со специальными меховыми вставками на скользящей поверхности.

⁸ Мучукай – ласточка (эвенк.).

– Ты что, чумазая? Убить меня хочешь? Уйди, уйди от меня. Брысь! – Василий пытался подняться, махнуть рукой, но силы было не больше, чем у младенца.

Феша, разом вспомнившая детство, жестокость брата, окунулась в ярость. Она сжала нож, которым только что резала оленину.

Отвернулась. Дышать глубоко, как учила названная мать Синильга. Человека не изменить. Даже Бог не в силах этого сделать.

Брат заснул опять. Только через три дня очнулся, жадно глотал похлебку, чавкал, точно щенок. Не раз и не два бросал взгляды на спасительницу и все же выдавил робкое:

– Феша, ты?

– Теперь меня зовут Мэнрэк.

Василий хотел что-то сказать, но проглотил колючие вопросы.

В израненное тело возвращалась жизненная сила, и Василий становился нахальнее. Смеясь, карябал грязным ногтем выточенную из кости фигурку лосихи – Праматери людей. Передразнивал Хиркана, коверкавшего русские слова: «мулчина», «зена».

– Менрека! Так вроде тебя зовет твой узкоглазый муж? Как родная сестра стала чумазой дикаркой?

Она вышивала бисером шапку для Хиркана и хмурила брови, боялась, что не успеет к возвращению уехавшего в стойбище мужа.

– Ты не слышишь? – Василий повысил голос. – Что Севке сказать? Только он о тебе иногда вспоминает.

– Скажи, что дикарка спасла меня, – Мэнрэк подняла на него глаза, и Василий невольно вздрогнул. – Если бы не добрая старуха, я стала бы добычей лесных зверей. Во мне теперь дух тунгусского народа. И на заимку я не вернусь.

Через два месяца раны, оставленные острыми когтями хозяина тайги, стали затягиваться розовой кожей. Бугрились уродливые отметины.

– Ты выздоровел, можешь возвращаться домой. Твои ноги окрепли, ты вынесешь долгую дорогу.

– Феша, не думал, что ты... поможешь. Забудешь старые обиды.

– Тебе помогло великое дерево кедр. И мой муж – им спасибо говори. Я хотела оставить тебя умирать. Во мне, Вася, нет жалости.

– Понимаю. Ты... ты такая же, как я.

Мэнрэк долго смотрела на ковылявшего вдоль реки Василия. Она хотела крикнуть ему вслед, что он ошибается, но так и не открыла уста.

«Благодарю тебя, муж. Я рада, что спасла брата, кровь и плоть свою». Она положила руку на живот – пора идти за Хирканом в его отчий дом.

Мэнрэк выбрала свой путь.

2018

Черноволосая

На щербатом камне сидел крупный мужчина. Обнаженная грудь бросала вызов сентябрьскому ветру; штаны, выцветшие, драные, обхватывали сильные бедра. Лицо его казалось спокойным, лишь в уголках глаз затаилась печаль. Мужчина вытянул губы, и над Байкалом разнесся протяжный звук.

– Ууу-аоу-ууу...

Сидевший на камне вглядывался в серую даль, подернутый дымкой противоположный берег. Он ждал кого-то. Но священное озеро хранило молчание.

– Хорошо живешь, Кеня!

Беззубый ерпыль⁹, совсем не старый с виду, завистливо оглядывал ладный дом с сараями, дровяником и крытым загоном для скота. На подпорах сушились сети, петух задиристо хлопал крыльями, косился на гостя.

– А что тебе мешает, Ванька?

Темноволосый, ладно скроенный мужчина ловко чистил рыжего коня, а тот лишь тихонько пофыркивал.

– Гляди, земли вона скоко!

Иннокентий махнул щёткой, словно друг не видел окружавшего их раздолья.

Ванька с затаенной досадой покрутил головой. Берег озера изгибался каменистой волной, в двадцати шагах от построек начиналась тайга. Густой лес карабкался по склонам гор, со скрежетом отдавал землепашцам свои десятины.

– Жена, пять дочек по лавкам, силы не те... День и ночь пахать надобно, – пожаловался Ванька.

Иннокентий только беззлобно усмехнулся. Есть желание – и горы свернешь. А воздух сотрясать многие горазды.

Ванька молот языком, щедро делясь последними новостями: кто женился, кто помер, кого в рекруты¹⁰ забрали. Иннокентий кивал, иногда задавал короткие вопросы, но думал об ином: как быстрее залатать старую сеть. Лизка, средняя Ванькина дочь, крутилась тут же. Она связывала прорехи, пыталась помочь Иннокентию, но, суетливая, больше мешала.

– В жены меня возьмешь? – Лизка воспользовалась тем, что отец наконец умолк.

Девке не исполнилось пятнадцати лет, но самостоятельности в ней было с перебором. Говорила, что думала, безо всякого стеснения глядела на Иннокентия – и он смущался.

– Сдурела, девка, – отец шутливо намотал русую косу на руку.

– А что? Я работающая, шустрая...

Девка всматривалась в Иннокентия, искала поддержки. Мужик отводил глаза, точно винил себя за ее несусветное предложение. Что-то углядела в нем смелая девка, увидала слабину.

– Домой пошли, Лизка.

Ванька тащил дочь, а та все вырывалась, оглядывалась. Мудреное дело – малолетка ввела взрослого мужика в оторопь. Потом, поздно вечером, укладываясь спать, Иннокентий пророчил в темноту недоуменное:

– Ну Лизка...

Лето с оглушительными трелями птиц ступило на байкальскую землю. Озеро и небо соперничали в яркости. Иннокентий вставал с петухами и ложился за полночь, благо ночи в Сибири короткие. Огород, скотина, рыбалка, охота – поспевал везде. Уложив ноющее от работы тело на тощую перину, он мгновенно засыпал.

Но эта светлая ночь не давала покоя. Волны Байкала с вкрадчивым плеском накатывали на берег. Кто-то возился и по-звериному шушукался в лесу. Через тихие звуки пробилось хныканье. Залаял пес с отмороженным хвостом, что сидел на привязи.

Иннокентий прислушивался, ворочался с боку на бок. Наконец, встал. Сколько бороться с собой? Через затянутое бычьим пузырем окно проникал тусклый свет июньской ночи.

– Лизка, ты что ль? – озирался, искал плаксу, но берег был пуст. – Хватит реветь, выходи, не обижу.

⁹ Ерпыль – малорослый (старорус.).

¹⁰ Рекрут – лицо, зачисленное на службу по воинской повинности. Рекрутская система введена в России Петром I.

Он отвязал Куцего, и пес с громким лаем носился вдоль озера. Иннокентий поежился – прохладная ночь кусала босые ноги. Ничего. Зло сплюнул и собрался было возвращаться. Хныканье повторилось.

– В море кто-то, говоришь? – Куцый звонко лаял, втягивал воздух, учуяв что-то манкое. – Ишь выдумал! Кого там бесы носят? Дурень ты, Куцый.

Пес закрутился на месте, завилал обрубок. Он в нерешительности потоптался, взглядывая в темную гладь воды.

– Эх, все равно не усну.

Иннокентий перевернул лодку, отцепил толстую веревку от деревянного колышка, вкопанного меж валунов. Куцый с радостным видом запрыгнул в лодку, но хозяин без всякой жалости выгнал пса.

Сажень¹¹ в восьми от берега над поверхностью воды возвышался каменистый островок, смутно темневший сейчас вдалеке. От островка до берега Иннокентий натягивал сеть. Каждое утро проверял ее и вытаскивал серебристочешуих омулей, хариусов, сига, а порой и царь-рыбу осетра.

Сейчас решил он проплыть вдоль снастей, выяснить, что за плач разносится по округе. Весла плавно входили в байкальскую воду, резали чернильную гладь с тихим плеском.

– Чтоб тебя! Водяница, русалка стонет?

Подплыл к сети ближе, прислушался. Что-то крупное затихло и вновь забилося, забулыталось с жалобным хныканьем. Иннокентий, ловко управляясь с вертлявой лодкой, вплотную приблизился к пленнику. Сейчас он разглядел сквозь белесую тьму и выдохнул: в сетях неведомым образом запутался человек.

– Ты что ж, дурья башка? Плавать вздумал? – Кеша ворчал, а сам ловко освобождал из сетей теплое существо.

Пленник долго бился и запутался в снасти основательно. Сначала на свободе оказалась голова с длинными мокрыми волосами, руки, туловище, округлые ноги. Его ладонь невольно задела что-то округлое, с набухшим узелком на вершине.

– Баба, – не сдержал выдоха.

Утопленница безвольно обвисла на руках и не подавала голоса, пока он быстро греб к берегу, тащил ее домой под громкий лай Куцего, укутывал срам в мягкую тряпицу. Лучина бросала тени на мокрые волосы женщины, закрытые глаза, тонкие пальцы.

– И как ты в сети попала? – Иннокентий сел на колченогий стул у лавки и недоуменно всматривался в свою находку.

Что-то странное было в этой черноволосой женщине... Откуда взялась здесь, на пустынном берегу? Как Иннокентий ни силился разобраться, ничего путного в голову не приходило.

Утро ворвалось в избу с нахальным криком петуха и первыми лучами солнца. Иннокентий так и уснул, упав на лавку, скукожившись, как мышь в норе.

Постель пустовала. Лишь мокрое пятно на перине напоминало о странной находке.

Иннокентий ополоснул чумные глаза, покрутил головой. Пропала, шалая девка! Пес носился по двору, радовался свободе – хозяин не стал ночью возиться, сажать его на цепь, пожалел олуха.

– Где она? – спросил у пса Иннокентий и хмыкнул.

Впервые за много лет мелькнула в голове шалая мысль: бабу надо, хозяйку. Мелькнула и исчезла за повседневными хлопотами.

Поздним вечером, сидя у коптильни, Иннокентий вспоминал вчерашние злоключения. Солнце лизало байкальскую воду, нехотя уплывало за горизонт, а тепло уходить не спешило.

¹¹ Сажень – русская мера длины; в данном случае имеется в виду косая сажень, равная 216 см.

Мужчина вытащил кисет и взял понюшку табака. Из задумчивости его вывел громкий плеск воды. Над поверхностью озера появилась точка и росла, увеличивалась. Увидел Иннокентий женщину с черными волосами. Голая, бесстыжая, она приближалась, а он глядел, не мигая, не смея отвести взгляд. Женщина встала напротив него, медово улыбнулась.

– Ты... оденься... – Иннокентий стащил рубаху и протянул черноволосой.

– Зачем? – У нее оказался высокий голос.

– Ты что ж, дикарка?

– Дика-а-арка, – повторила она.

Иннокентий со стыдом ощутил, как тело отозвалось сладкой болью на обычное слово, сказанное черноволосой:

– Давай.

Длинная рубаха закрыла смуглое тело, и он облегченно вздохнул.

– Спасибо тебе. Если б не ты, навечно в сетях бы запуталась. – Она крутилась вокруг Кеши в каком-то чудном танце.

– Ты что ж там делала?

– Я у берега...

– Где живешь?

– Там, – махнула рукой.

Иннокентий вглядывался в женское лицо и понял, что смущало его покой, что особого было в незнакомке. Темные брови, высокое чело, небольшой нос, сочные губы, гладкая кожа. А вот глаза... Они казались жуткими, невыносимо темными, но притягательными. Большие, чуть вытянутые к вискам, они отличались от обычных глаз, как Байкал от малого лесного озера. Ни зрачка, ни радужки, ни белого яблока – все сплошь залито чернотой, бездонной, непрозрачной.

– Вкусно пахнет. – Она крутилась возле коптильни.

– Угостить?

Девка кивнула, засмеялась звонко, точно воды байкальские зажурчали. Иннокентий снял решетку с заключенной в ней рыбой, вытащил горячую, пахнущую дымом, источающую сок тушку омуля и протянул гостю на куске бересты. Та отломила хвост, тихо взвизгнула, облизнула обожженный палец.

– Ты обожди, не спеши.

Черноволосая послушно держала на руке бересту с угощением, приняхивалась, точно собачонка.

– Долго! – Черноволосая ждала, и ноздри ее раздувались, втягивая манящий запах.

– Теперь можешь есть, – усмехнулся Кеша и с любопытством смотрел, как странная гостя уминает рыбу, прикрыв темные глаза. От омуля не осталось ни хребта, ни головы.

– Большая ты любительницы рыбы. Копченой не ела?

– Еще хочу.

Черноволосая ела, причмокивая, и он дивился ее жадности. Словно девку месяц голодом морили.

– Как звать тебя? Я Иннокентий, Семенов сын, по прозвищу Бирюк.

Она только хихикнула, ничего не ответив. Казалось, Черноволосой – так он решил звать шалую девку – не мешали острые камни. Рубаха задралась, обнажив пышное бедро. Грудь вырисовывалась под тканью, притягивала Иннокентия. Вся справная, ладная, забавная гостя влекла его, и сама ничуть не заботилась о том. За тридцать лет Иннокентий встречал немало баб, что с тайным или явным влечением вглядывались в его крепкую фигуру, привлекали внимание, были не прочь покувыркаться. Но застилали все это притворством, требовали подарков, внимания, ждали, когда он поведет под венец...

– Не холодно тебе? – хрипло спросил он. – Согреемся под одеялом.

Куций надрывался, звенел цепью, точно взбесился, когда Черноволосая прошла мимо него. Иннокентий прикрикнул на пса, но Куций по-прежнему захлебывался злым лаем и замолк лишь, когда гостя зашла в избу.

Женщина быстро стянула рубаху и прижалась лицом к его шее. Мужские пальцы жадно мяли пышную плоть, прижимали к себе, вдавливались, оставляя отметины. А она тонко вздыхала, гладила русые волосы, молча и ласково. Лишь перед рассветом мужик уснул, прижав намертво к себе пышное тело, пахнущее озером и свежей рыбой. Утром он сонно обшаривал руками постель, но Черноволосая исчезла. Как и в ту ночь, когда Иннокентий спас ее.

– Кеня, тебя не видать в деревне. Хоть когда-ндь пришел бы в гости, поговорить, браги выпить. Бирюк, как есть Бирюк.

– Некогда мне лясы точить, – нюхал табак Иннокентий и ухмылялся в усы.

– Кеня, ты чего довольный такой?

– А что печалиться?

– Ты мне зубы не заговаривай. На днях хозяин лавки говорил, что ты бабье платье у него покупал. Кому?

– Обознался твоей лавочник.

– Да как ж ему обознаться? Здоровый мужик, Бирюк, возле озера один живет. Больше таких в округе нет.

– Слушай торгашей, наплетут с три короба... Рыбки дать?

– Давай, у меня в сетях вечно пусто. А тебя любит нечисть водная, – Ванька больше ничего не спрашивал, но хитро сверкал глазами. По всему видно, не поверил другу.

Шалое лето изменило жизнь Иннокентия. Женщина приходила каждую ночь, ничего не просила, не требовала, сжимала его длинными ногами. Она часто смеялась, вплетала в его бороду луговые цветы, щекотала волосами. Жар ударял Иннокентия в голову, и он забывал обо всем. Подспудно понимал, лучше не спрашивать, кто она, откуда пришла. Слова затянут в темный омут. Да что там, он в том омуте был с головой.

– Ты что ж не спрашиваешь у меня ничего?

Август уже перепрыгнул через золотую свою середину, и они вдвоем сидели на берегу озера, бедро к бедру.

– Зачем? Знаю я, что с тобой хорошо... А кто ты, дух или человек, неважно.

– Я скажу. Хочу, чтобы ты знал правду.

– Правда – страшное дело.

– Ты догадался, кто я?

– Твои глаза, запах рыбий... Понял я, по молодости в артели нерпу промышлял. Да на берегу не раз видел, как бельки¹² хнычут.

– Нерпу промышлял? Моих братьев да сестер убивал. – Она резко встала и чуть не упала, запутавшись в платье. – Ладно, расскажу...

Она вздохнула и чуть погодя продолжила, точно признание давалось ей непросто.

– Давно жила на берегу озера женщина, умевшая превращаться в нерпу. Она скрывала от мужа и соседей свой дар. У нее было три сына и три дочери. Сыновья не получили дар, а дочери стали полулюдьми-полунерпами.

Иннокентий хохотнул, хотел возразить, но Черноволосая взглядом заставила его умолкнуть.

– Старший сын стал добывать нерпу, сколь мать ни противилась. Однажды сын ранил ее на охоте. Мать в человеческом обличье вернулась домой, рассказала мужу и сыновьям правду. Поклялись они, что охотиться на нерп не будут. Местные слово сдержали, а вы, пришлые,

¹² Белёк – детеныш байкальской нерпы.

наших обычаев не ведаете... Скоро мать умерла, сестры ушли подальше от людских поселений и стали жить с нерпами. В мужья их правнучкам нужен человек. Как исполняется пятнадцать лет, нужно искать того, кто... – Она умолкла.

– Ты в сети попала нарочно?

– Я разглядела тебя, когда рыбачил близ острова. И уже не смогла уплыть.

– А почему глаголешь по-нашенски, по-русски?

– Я могу говорить на любом языке, плавать, как нерпа, ходить, как человек. Мой дар велик и тягостен.

– Проклят я, видно. Не сыскать мне обычного счастья, – Иннокентий усмехнулся.

– Отчего же? Тебе худо со мною?

– Нет, и сама знаешь... Ты для меня – как воды Байкала для нерпы. – Иннокентий не смог сказать больше, слова не давались, да в глазах его Черноволосая увидела все. Коснулась губами его плеча в льняной рубашке, и сразу кожа мужчины загорелась, точно костер.

– Отчего же ты живешь один? Без жены да детей? – Черноволосая не отнимала губ, Иннокентий ласково отстранил ее. С такой бедовой девкой не до разговоров.

– Много лет назад влюблен я был. Красивая, веселая – целовалась со мной темными ночами. А потом отец ей жениха богатого приискал. Я мечтал тайком обвенчаться, а зазноба моя сказала отцу, мол, Кешка насильничать хотел. В амбар посадили, под замок. Друзей расспрашивали, и все до единого называли насильником.

Он сжал кулаки.

– Людям не верю. Я тогда сбежал. Нору выкопал и сбежал. А то бы повесили... Далеко от деревни родной убег.

Черноволосая провела ласково по лицу его, шутливо дернула бороду.

– Ты прости, если обидела грубым словом. Хватит печалиться! Давай научу по-нашему свистеть. Будем разговаривать.

Всю ночь она учила Иннокентия говорить по-нерпиному. Он свистел, выл, но крик его оставался криком усталого мужчины, а не зверя.

– А сколько ж годков тебе? – вдруг вспомнил Иннокентий.

Черноволосая рассмеялась и сказала лишь:

– Я долго тебя искала.

Еще несколько ночей Черноволосая прижималась к его жадному телу, каждый раз будто последний, шарила горячими губами, втягивала родной запах. Закончился август, и Черноволосая пропала. Иннокентий до самых морозов выходил к берегу и звал свою красавицу. А потом обнаружил возле своего крыльца корзину, сплетенную из камыша.

На весь двор звенел женский крик:

– Муж, иди к столу.

– Сейчас приду. Не вопи как полоумная.

Мужчина ополоснул руки и зашел в избу. Русоволосая женщина подала ему полотенце.

– Ешь, хозяин.

Варево в миске исходило густым паром. На другом конце стола стучал ложкой ребенок лет трех:

– Исть качу.

– Сейчас, золотце, накормит тебя мамушка.

– Не терплю, когда ты так говоришь... Пакостно!

– Что ж рычишь все, Кеша? – женщина погладила большой живот.

– Не нужна ты мне... С малолетства талдычила: возьми замуж. Взял. Мало?

Мужчина говорил негромко, да в голосе его читалось многое.

– Мало! Думала, о бабе той забудешь. А ты на меня и не глядишь!

– Лизавета!

– Ребенка, как своего, ращу. Куда распутница делась? Отчего дочь оставила тебе?

– Хватит!

Женщина глотала слезы, ребенок испуганно примолк.

Поздним вечером Иннокентий сидел на берегу. Иногда издавал тихие звуки, но лишь чайки кричали ему в ответ.

– Хацу с тобой, тятя! – Девчушка вскарабкалась на камень и пристроилась рядом.

– Пошли домой, замерзнешь, доченька. – Он взял маленькую руку в свою большую ладонь, но не двинулся с места.

Безбрежные глаза доверчиво смотрели на него, и месяц отражался в их темном омуте. Несколько лет назад он нашел дитя и принял этот дар от Черноволосой. Отчего она бросила дитя? Вернулась к сородичам и плескалась в байкальских волнах? Иннокентий простил ее за все содеянное и несодеянное.

Каждый день он сидел на берегу озера и надеялся на чудо.

2020

Жемчужина Аkoa

Я – порождение моря.

Теплые волны ласкают мое тело, щекочут впалый живот. Крепкие руки и ноги движутся в такт колыханиям волн.

Я охочусь за дарами моря. В сети, сплетенные отцом, попадают мелкие рыбешки. Острога в моих руках опасна для обитателей вод, что отливают всеми цветами заката. Улов кормит меня и Сиа, мою робкую сестру.

Главная ценность сокрыта на дне моря. Колдун Иика рассказывал легенду. Раз в сто лет сердце храбреца превращается в огромную Триарму, и та возвращает в чреве своем чудо.

Почти каждый день я поднимаю на поверхность раковины, нахожу жемчужины. Они малы. Мне нужна Триарма и розовая жемчужина размером с кулак девы. За добычу положена награда, и я, Аkoa, сын Аkoa, добуду эту жемчужину.

Семнадцать лет назад длинноволосая Маира произвела меня на свет, и волны целовали ее ноги. Меня окунули в соленую воду, чтобы стал смелым охотником за жемчугом.

Каждый вечер я возвращаюсь в хижину с уловом. Его непросто затащить по шаткой лестнице, что отделяет ложе от моря. Но я привык.

Огонь неохотно лижет ветки мангрового дерева. Один бок рыбины обугливается, второй остается сырым, но она проваливается в наши бездонные желудки. Сиа довольно улыбается и хвалит меня, словно сам не знаю, что без брата ей пришлось бы худо.

Раскаленный шар Солнца встречается с зеленоглазой Морской богиней на горизонте. Муж почти скрывается в объятиях несравненной жены, а я бросаю в воду остатки еды.

– Моя жертва вам, Морская богиня и Солнечный бог. Спасибо за мой улов.

Не знаю, по нраву ли моя скромная молитва божествам. Маира научила меня этим словам. Несколько лет назад мать ушла в тот мир, где Морская богиня и ее муж не расстаются никогда.

Второй день лунной недели. В эти утренние часы старая лодка ждет, покачиваясь на волнах. Сегодня буду нырять за кукумари.

– Пусть Морская богиня будет к тебе добра! – кричит Иика. Он сидит на грубо сколоченных жердях и подставляет солнцу сморщенное лицо.

Я склоняю голову в ответ и спрыгиваю в лодку. Сиа спускается по плетеной лестнице, она расчесывает пальцами волосы и зевает.

Погружаюсь в голубую воду, и тело мое чувствует радость единения со стихией. Дно совсем недалеко, оно усыпано бурными продолговатыми тушками. Сестра осторожно чистит их, обрывает щупальца.

– Пошли подальше от берега...

– Зачем, Аkoa? Сегодня мы будем сыты, а в море ждет опасность.

Но я неумолим. Мы уходим от берега далеко и уже не видим хижины.

Ныряю. Долго добираюсь до дна. Пять раз я опускаюсь в теплые воды, медузы пытаются опутать меня ядовитыми щупальцами.

Руки и ноги сводит от напряжения. Приближаюсь к морскому дну и начинаю задыхаться, но... Передо мной сияет треугольная светлая раковина. Она длиной с мою руку. Хочу закричать от восторга, но вовремя вспоминаю, я в воде. Выныриваю на поверхность:

– Я нашел ее! Нашел!

Втягиваю сладкий воздух, голова гудит, темные точки пляшут перед глазами. Триарма будет моей!

Вдыхаю долго, чтобы насытиться. И вновь – ко дну. Уши пронзает резкая боль, грудь разрывается. Триарма тяжела, я не ожидал, что руки будут дрожать. Раковина не желает покидать свое обиталище, безмолвно кричит:

– Оставайся со мной!

Я шатаюсь и тяну Триарму. Как долго я ее искал! Всплываю и падаю на дно лодки.

– Кровь из ушей. О, Аkoa!

– Проверь, – хриплю я.

Сестра ловко разрезает мышцу, стягивающую створки раковины, и Триарма умирает.

– Смотри! – Сиа что-то шепчет, показывает мне розовую жемчужину, и она больше кулачка сестры. Я улетаю вдаль на крыльях счастья.

Прихожу в себя уже в хижине, сестра склоняется надо мной. Она шевелит губами, но я совсем не слышу слов.

Вечером меня, шатающегося, ведут к Иике. В одной руке колдун держит розовую жемчужину, в другой – мои вялые пальцы. Он что-то говорит соплеменникам, те с завистью смотрят на меня. Тишина смыкается над моей измученной головой.

Через три дня лодка, в которой я возлежу на покрывале из листьев, прибывает в столицу, Акинаама. Толстый вождь шевелит губами, обнимает меня, целует розовую жемчужину, дар Морской богини.

Я улыбаюсь, когда чувствую, что он о чем-то спрашивает меня. Молчу, никому мои слова и не нужны.

Следующим утром три девушки обвязывают мои чресла тканью цвета моря, на грудь вешают ожерелье из огромных цветов. Меня готовят к свадьбе с дочерью вождя. Я дождался награды: когда вождь умрет, Аkoa, сын Аkoa, будет сидеть на мангровом троне в Акинаама.

Обрывистый берег уже полон народа. Внизу бьется море, здесь оно темнее. Вождь о чем-то долго говорит. Две женщины ведут деву в красном одеянии невесты. Я всматриваюсь в ее лицо и замираю от ужаса. Морщины на лице невесты глубоки, ее стан сторблен. Смотрю на старуху, и обрывистый берег ускользает от меня. Я ощущаю спиной морской ветер, камни осыпаются под ногами.

Я успеваю увидеть прекрасную деву, что стоит чуть поодаль, за спиной безобразной старухи. Ее волнистые волосы в цветах гибискусов, ее бедра укутаны красной тканью...

Так кто из них невеста? Но я уже падаю на острые камни у кромки прибоя. Розовое сияние распространяется вокруг, и через мгновение меня уже нет. А на дне появляется маленькая раковина Триарма. Десятилетия спустя она взрастит в сердцевине огромную жемчужину, и за ней будет охотиться очередной глупец.

2019

Отдать жизнь

Лили была хороша. Он любовался ей бесконечно.

Гордая осанка, легкая поступь – мягкие шаги не слышны в летнем, влажном, пахнущем хвоей и цветами лесу.

Желто-зеленые глаза заметили незнакомца, притаившегося за деревьями, оглядели презрительно.

– Да, королева, прости. Я не хотел, чтобы ты меня заметила.

Лили недовольно фыркнула и медленно, лениво пошла к хвойной поросли у подножия сопки. Он вскинул винтовку. Желание обладать красотой терзало хищное сердце. Королева скрылась среди пламенеющих осин. «Лили... Тебе подходит это имя».

1

Вихрастый мальчик в смешных круглых очках склонился над тетрадью. Он обложился толстыми книгами, журналами и что-то вдохновенно писал, от усердия высунув кончик языка.

– Ты как Мурзик.

Русоволосая девочка подскочила и схватила самую толстую книжку. Зажав толстый том под мышкой, вредина прыгала вокруг стола.

– Он также высовывает язычок... Му-у-урзик!

– Ты мешаешь, Тома. – Мальчик попытался забрать книжку, но не тут-то было.

– Эдя, мне скучно! – Тома дразнила брата, прыгала вокруг него с книгой, и оборки на платье прыгали вместе с ней. – Давай играть.

– Некогда мне. Видишь?

– Да зачем тебе эта нудятина?

Тома кинула на диван толстую книгу, та открылась на ярких фотографиях.

– Фууу! Противно. – Она взвизгнула и убежала.

Эдик поднял книгу, погладил обложку, взгляделся в те самые фотографии.

– Нет, млекопитающие... Медведки, жуки – все это интересно... Но я уже решил.

Прошел час. Страницы шелестели, скрип ручки не прерывался ни на минуту.

– Эдуард, ты напугал сестру. – Над ухом раздался громкий голос матери.

– Чем напугал? Скачет, кричит, как сорока. Подумаешь, яйца и личинки насекомых. Было бы чего пугаться!

– Пошли ужинать. И это оставь здесь! За едой у нас не читают.

Эдик скривился и послушно закрыл книгу. Встал из-за стола, тихонько вздохнув. Вечером мать разговаривала по телефону, и голос ее, громкий, высокий, просачивался через дверь.

– Это не ребенок, а кошмар! Не бегают, не хулиганят... Целыми днями сидит с книгами. Эдик пошел в своего отца. Надо было понимать, что если залетела от ученого, то...

Конец фразы утонул в смехе.

– Мне уже хочется сжечь эти дурацкие книги. Он помешался на тиграх, леопардах и прочей лесной живности.

Мальчик закрылся одеялом с головой. Скоро он видел сон: полосатые тигры раздирали оленя, кабарга скакала по тайге, леопард грелся на скалистом уступе.

2

– Я поеду во Владивосток. – Невысокий, ершистый парень упрямо смотрел на мать.

– Что ты там забыл? Поедешь в Москву, у дяди поселишься. Что тебе еще надо? На Дальнем Востоке ничего хорошего тебя не ждет. Провинция, никаких знакомых, жизнь впроголодь!

– Я буду поступать на биофак.

– Опять твои полосатые и пятнистые... В Москве выучиться нельзя?

– Нет.

Мать 17-летнего Эдуарда уже знала, что спорить с ним бесполезно. Сын был куда взрослее своей красивой и вздорной родительницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.